

УДК 81.11 , ББК 81.1, ГРНТИ 16.21.33 , КОД ВАК 10.02.19

Г. С. Иваненко

Челябинск, Россия

ЛЮДИ НАШЕГО ЦАРЯ (К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ АНАЛИЗА СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ)

Статья посвящена вопросам семантического анализа в рамках лингвистической экспертизы. Предлагается методика интерпретативного анализа семантико-грамматических конструкций. Под последними понимаются языковые единицы, которые 1) существуют как грамматический конструкт с определенными морфологическими характеристиками компонентов, связанных определенной синтаксической связью, 2) имеют определенные параметры лексического наполнения конструкции: обобщенная семантика модели конкретизируется при лексической реализации, и наблюдается типологизация семантических реализаций.

На примере анализа конкретной лексико-грамматической конструкции «люди кого-либо» (люди Петрова), ставшей предметом правового и лингвоэкспертного спора, показана позиция по конкретному вопросу и представление о методике семантического анализа языковой единицы рассматриваемого типа в ходе осуществления лингвистического исследования в экспертных целях.

Выделено пять этапов семантического анализа семантико-грамматической конструкции:

- анализ обобщенной грамматической модели (в рассматриваемом случае это существительное в именительном падеже + существительное в родительном падеже),
- анализ конкретизированной семантико-грамматической модели, в которой одна синтаксическая позиция наполняется лексическим содержанием: люди кого-чего,
- анализ модели, реализованной полным лексическим составом, с учетом конкретных признаков второго слова (люди кого – второе существительное одушевленное),
- интерпретация лексикализованной модели в контексте, с учетом его стилистики и выражаемого текстом смысла,
- анализ конструкции в конкретном наполнении с учетом ситуативного контекста и дискурса.

Комплекс обозначенных действий и образует предлагаемую методику семантического анализа рассмотренного типа языковых единиц – семантико-грамматических конструкций. Для их осмысления, гораздо более неоднозначного, чем интерпретация слова, следует поочередно рассматривать каждый шаг наполнения модели лексическим содержанием и – самое главное – не опускать этап рассмотрения возможных вариантов интерпретации в зависимости от различных признаков каждого компонента (конкретность / отвлеченность, собственность / нарицательность, одушевленность / неодушевленность), а также от стиля, общего смысла микро- и макроконтраста, дискурса.

Ключевые слова: семантико-грамматическая конструкция, методика семантического анализа, интерпретация, лингвистическая экспертиза.

Сведения об авторе: Галина Сергеевна Иваненко, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики обучения русскому языку Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 454080, Челябинск, пр-т Ленина, 69. E-mail: gala.april@mail.ru

G. S. Ivanenko

Chelyabinsk, Russia

PEOPLE OF OUR CZAR (TO THE METHOD OF ANALYSIS OF THE SEMANTIC AND GRAMMATICAL STRUCTURE IN LINGUISTIC EXPERTISE)

The article is devoted to semantic analysis within the framework of linguistic expertise. There has been developed an approach of interpretative analysis of the semantic and grammatical structures. The latter refers to linguistic units that either 1) exist as a grammatical construction with definite morphological characteristics of the components linked by particular syntactic relation, 2) have certain vocabulary scope of structures: generalized semantics of the model is detailed through a particular lexical implementation, and semantic implementations can be classified.

For example, the analysis of specific lexico-grammatical construction «people of somebody» (people of Petrov), which has become the subject of legal and forensic dispute, shows the position on this particular issue and gives grounds to the employment of the approach of semantic analysis of linguistic units in linguistic research for expert purposes.

Five stages of semantic analysis of a lexico-grammatical construction have been singled out:

- grammatical analysis of the generalized model (in this case it is a noun in the nominative case + noun in genitive),*
- analysis of a specified semantic-grammatical model, in which one syntactic position has a lexical meaning: the people of somebody,*
- analysis of the whole lexical structure of the model, taking into account the specific characteristics of the second word (whose people, where the second noun denotes an animate object),*
- interpretation of lexicalized model in the context of with its style, and the text meaning,*
- analysis of a structure with specific lexical content in the situational context and discourse.*

The mentioned stages form the approach to the semantic analysis of linguistic units of the type discussed above - the semantic and grammatical constructions. To understand these structures is more than just to interpret words, you should take each stage of filling the model with lexical content, and – most importantly – not to skip the stage of possible interpretations depending on the different characteristics of each component (concrete/ abstract, proper/ common, animate / inanimate), and also the style, the general meaning of micro - and macro-context and discourse.

Key words: semantic-grammatical construction, method of semantic analysis, interpretation, linguistic expertise.

About the author: Galina Sergeevna Ivanenko, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Russian Language and Methods of Teaching Russian Language, South Ural State Humanitarian-Pedagogical University. 454080, Chelyabinsk, Lenin Ave, 69. E-mail: gala.april@mail.ru

Несмотря на то, что ведущим направлением юридической лингвистики на настоящий момент является выработка методик анализа **текстов** применительно к целям решения конкретных экспертных задач в соответствии с типом правовой проблемы, по-прежнему актуальны общие для различных разделов лингвистики вопросы семантики: семантическая типология языковых единиц [Арутюнова 1980], исследование процессов кодировки и декодировки [Кацнельсон 1984], обусловленность реализации значений грамматической и лексической сочетаемостью единиц [Кобозева 2009]. И актуальность таких семантических исследований для лингвоэкспертологии вряд ли может ослабнуть, поскольку, во-первых, семантические свойства языковых единиц динамичны, во-вторых, они контекстуально и ситуативно обусловлены, в-третьих, **эти свойства** интерпретативно вариативны. Данные словарей, на которые часто уповают неопытные эксперты, не заменяют анализа, а лишь служат ему материалом. Поэтому сокращенный путь экспертных рассуждений по принципу *языковая единица – смысловая интерпретация* с опущением этапа пошагового разворачивания представляется неубедительным в экспертной практике, где интерпретации сторон не совпадают [Иваненко 2013]. Покажем на конкретном примере методику рассмотрения семантико-грамматической конструкции, ставшей предметом конфликта интерпретаций.

Конструкцию называем **семантико-грамматической** потому, что она 1) существует как грамматический конструкт с определенными морфологическими характеристиками компонентов, связанных определенной синтаксической связью, 2) существенно лексическое наполнение конструкции: обобщенная семантика модели конкретизируется при лексической реализации, и наблюдается типологизация семантических реализаций. Это не фразеологизмы, так как элементы конструкции сохраняют свою самостоятельность и не являются постоянными, во всяком случае два компонента или более не воспроизводятся и не воспринимаются как единое целое, как то происходит применительно к фразеологическим единицам [Гашева 2002], но в то же время именно в определенной их сочетаемости фиксируются самостоятельные значения. Статус этих языковых конструктов пока не вполне определен. Возможно, именно в связи с этим обстоятельством они выборочно фиксируются толковыми словарями в статьях, посвященных грамматически или синтаксически главному слову. В научной литературе преобладает информация о таких конструкциях, называемых лексико-грамматическими, преимущественно в аспекте формирования речевых навыков у детей и иностранцев.

В одном из судебных разбирательств в центре дискуссии сторон стало значение (или смысл?) конструкции «люди Петрова». В практическом плане требовал разрешения вопрос: в каких отношениях находятся люди и Петров? По контексту статьи люди Петрова поступали не очень хорошо. Петров утверждал, что эти люди к нему не имеют никакого отношения, они не «его люди», и ему все равно, что они сделали, мол, только не называйте их «моими людьми». Распространители настаивали на том, что они ничего плохого про Петрова и не сказали, поскольку люди Петрова – это не сам Петров, о котором, собственно, никто ничего и не говорил. Подходы противостоящих сторон к интерпретации языковой единицы «люди Петрова» не совпали.

Первый шаг при анализе семантико-грамматической конструкции – анализ самой модели без лексического наполнения. Языковая конструкция

люди кого-либо построена по модели словосочетания с подчинительной связью управление. По формальным признакам аналогична структура таких, например, словосочетаний: *билет пассажира, тетрадь ученика, дочь директора, жена министра, место депутата, долги предприятия*.

В словосочетаниях к зависимому слову задается два вопроса: один – формально-грамматический, падежный, второй функциональный – как к члену предложения, определяющий смысловые отношения между словами.

Грамматический вопрос (*кого?чего?*) указывает на форму родительного падежа зависимого слова.

Функциональный вопрос: *чей? чья? чье? чьи?* (в зависимости от грамматических факторов) обуславливает определительную функцию существительного в родительном падеже.

Даже при абстрагировании от лексического наполнения сама синтаксическая модель: *существительное в именительном падеже (X) + существительное в родительном падеже (Y)* – создает отношения принадлежности, отнесенности содержания первого слова в словосочетании к содержанию второго: *пение (чье?) птиц, чашка (чья?) мамы, идеи (чьи?) символистов, жизнь (чья?) человека, роман (чей?) Пушкина*.

Во всех приведенных словосочетаниях, построенных по рассматриваемой модели, слово X в форме именительного падежа обозначает нечто такое, что напрямую соотносится с субъектом, названным существительным в форме родительного падежа Y:

X (сущ. в им. п.) **принадлежит** Y (сущ. в род. п.).

Семантика принадлежности проявляется в различных семантических вариантах непосредственного владения (*часы Сергеева, имение Левина*), производимого действия (*прыжок Исинбаевой*), результата этого действия (*картина Моне, доклад Дорониной*).

Второй этап анализа: конкретизируем модель, наполнив лексическим содержанием первый компонент – существительное в именительном падеже: «люди + существительное в родительном падеже».

Применительно к современному языку найдено лексикографическое определение значения этой конструкции только при выражении второго компонента существительным неодушевленным, то есть «люди чего»:

Лица, принадлежащие к какой-либо общественной среде, группе; лица, объединяемые какими-либо общими признаками. Люди чего. *Люди науки, а Каждый член общества призван делать свойственное ему дело. И люди мысли исполняют свое дело, выражая общественное мнение.* Л. Толст. Анна Карен. – *Я сам хотел бы причислить себя к людям искусства, служить искусству, потому что хотел бы воздействовать на людей.* Федин. Необыкн. лето [БАС т. 6: 442].

Конфликт интерпретаций вызвала модель с компонентом-существительным в родительном падеже, выражающим семантико-грамматическую категорию одушевленности, то есть «люди кого». Очевидно, что дифференциация одушевленность / неодушевленность компонента У значима в настоящем случае.

Синтаксическая модель *люди кого-либо* использовалась и в XVI–XIX веках, обозначая непосредственную принадлежность людей их юридическому и фактическому хозяину: В рамках указанного значения *люди*, например, *Дубровского* – это его крепостные. На базе указанного значения развился метонимический перенос: рабы / крепостные в то же время являлись слугами, подчиненными. Модель *люди кого-либо* стала использоваться для обозначения зависимости социального / политического / военного характера (*люди Ивана Грозного, люди Курбского, люди Марины Мнишек*). Описанное значение так представлено в Большом академическом словаре:

«4. В буржуазно-дворянском быту – лица, находящиеся в подчинении у кого-либо; слуги. – *Моих людей не будет в доме: я им всем раздала билеты, также и людям княгини.* Лерм. Кн. Мери. *Еще не доезжая деревни, князь и люди его слышали веселые песни.* А. К. Толст. Кн. Серебряный. *Пошли мы, и господа, и люди, все вместе, – тут не было разбора.* Герцен. Былое и думы» [БАС т. 6: 443].

Выражение *люди кого-либо* утратило актуальность в советский период по социально-политическим причинам. С момента создания словаря язык существенно изменился, но в других словарях, приближенных к нам по времени, значение конструкции не представлено.

В 90-е годы XX века конструкция получила новую жизнь с распространением в криминальной среде (*Люди Красилова требуют за крышевание*), потом перешла в обыденную речь, а затем в публицистику и литературу.

Словосочетание модели *люди кого-либо* активно употребляется и в современном русском языке. Слово в родительном падеже называет лицо, обладающее какими-либо полномочиями / возможностями: управленческими, материальными, административными, любыми иными. *Кто-либо* в данной модели – человек, управляющий другими людьми на каком-либо основании: как официальный начальник, как покупатель услуг, как манипулятор, опирающийся на физический, психологический, политический или иной ресурс.

Третий этап анализа – лексикализация второго компонента словосочетания. Зададимся вопросом: а любое ли существительное, обозначающее лицо, может стоять в рассматриваемой модели на позиции Y? Очевидно, что абсурдны будут сочетания: *люди ученика, люди продавца, люди младенца, люди пенсионера, люди пчеловода*. Оказионально, конечно, все возможно, но в узусе такой сочетаемости нет. То есть на позиции X в норме не находятся существительные со значением лица, обозначенного по профессиональному, возрастному, национальному признаку. Может быть, модель реализуется при условии, когда Y – существительное собственное? Казалось бы, да: *люди Трампа, люди Обамы* – речь идет о сторонниках, сподвижниках, возможно, об охране, об обслуживающем персонале. Варианты трактовки есть, но все они объединены семьей лидерства Y. При этом Y может выражаться и неодушевленным существительным: *люди директора, люди криминального авторитета, люди президента*. Модель начинает работать тогда,

когда *У* – обозначение властного лица. Обратим внимание, как грамматика и семантика взаимодействуют, не дублируя друг друга, а образуя плоскость пересечения, исключительно в пределах которой и находится реализация модели.

Таким образом, формулировка *люди кого-либо* имеет в русском языке значение «люди, которые подчинены кому-либо, связаны с ним иерархическими подчиненными отношениями».

По законам синтаксической модели, словосочетание выражает значение: речь идет о людях, принадлежащих в каком-либо смысле тому, кто назван существительным в родительном падеже. Это могут быть отношения служебного подчинения, материальной зависимости. В любом случае языковая модель указывает на отношения: 1) взаимодействия, 2) совместной деятельности, 3) иерархические.

Исходя из описанного значения конструкции *люди кого-либо*, в контексте сообщения о предосудительных действиях *людей Петрова* у читателя есть все основания считать, что Петров является организатором / вдохновителем этих действий. Конкретизировать характер причастности крайне трудно: сочетаемость не дает оснований для однозначной интерпретации. Очевиден лишь сам факт причастности. Например: *Люди Сталина разобрались с Троцким* – нет оснований утверждать, что в высказывании сообщается о приказе Сталина убить Троцкого, но сама модель «люди Сталина» предполагает действие для Сталина / в его интересах / с его ведома. Если ни один из вариантов не подходит, то есть люди действовали и не в интересах Сталина, и не по его прямому указанию или косвенному намеку, молчаливому согласию, тогда это не люди Сталина: номинация не подходит, она использована неадекватно. Мы же, декодируя смысл теста, следуем постулатам Грайса, в частности постулату о небесмысленности высказывания.

Наши оппоненты по рассматриваемому вопросу говорят о еще одном развившемся значении слова: *люди кого-либо* в значении окружения, круга взаимодействия. Представляется, что указанное значение не является

самостоятельным, а входит семантической частью в то, которое описано нами ранее. Круг общения организуется вокруг кого-либо значимого, статусного. Люди кого-либо – это люди, связанные с этим кем-либо. Модель не работает, если речь идет о круге друзей, равных по статусу. Люди Путина – модель актуальна, так как Путин как лидер создает вокруг себя круг тех, кто находится с ним в разнообразных отношениях, но все-таки отношениях вторичности, подчинения. Проверим: люди Иванова – модель актуальна только в случае социальной значимости Иванова, иначе она деактуализируется, то есть маловероятна в реальности. В нашем случае речь идет о человеке, известном в регионе, а потому у него могут быть «свои люди» – при всей вариативности осмысления характера взаимосвязей между X и Y.

Четвертый шаг. Необходимым методическим элементом семантического анализа должно быть включение слова / конструкции в конкретный контекст, объяснение взаимосвязи микро- и макросемантики. Микросемантика – семантика языковых единиц простейшей организации (слово, словосочетание), макросемантика – смысл текста, специфика дискурса. Действительно, только конкретный контекст определит смысл конструкции *люди кого-либо сделали что-либо*. В тексте может идти речь о действиях, сущность которых не допускает предположения, что люди кого-либо действовали по его указанию: *Люди Петра III приняли сторону Екатерины*. Отметим, что словосочетание *люди Петра III* выражает уже описанные взаимоотношения причастности. Но действие, совершенное *людьми*, обозначает, что ранее подчиненные кому-либо и зависимые от кого-либо свой статус сменили. То есть на семантику модели-словосочетания повлияла семантика языковой единицы за его пределами. Так может быть, в современной речи произошли какие-либо изменения и, как считают наши оппоненты, *люди кого-либо* – это круг общения, и речь не идет о причастности самого *кого-то* к тому, что делают его люди? В данной ситуации представляется необходимым анализировать макроконтекст.

В нашем случае смысл публикации подтверждает неслучайность действий *людей кого-либо(X)* Читателю предлагается триада: мотив мести X – заинтересованность в результатах X – свидетельства причастности X к действиям людей X. Смысл извлекается, но современные журналисты используют стратегии ухода от правовой ответственности, и часто формализация смыслов при доказательстве их наличия / отсутствия требует опоры на цепочку смысловых взаимосвязей, что всегда кажется не вполне убедительным сторонникам формального подхода к анализу. Мол, в какой конкретной фразе сказано, что X имеет отношение к событиям? Это ведь не он сам, а его люди.

Автор настоящей статьи неоднократно выражал мысль о приоритете так называемого «бытового» понимания языковых единиц и моделей в целевом экспертном анализе речевого произведения при выяснении вопроса, какая именно информация была распространена [Иваненко 2016]. В таких случаях существенна не формальная констатация какого-либо факта, а типовое понимание информации реципиентами, определенное действующими на настоящий момент типовыми моделями форма-смысл. В частности, следующая фраза не содержит четкого указания на факт связи *людей* и тех публичных персон, представителями которых они являются: *В Челябинске начался мощный бизнес-конфликт между «людьми» экс-омбудсмена X и депутата Госдумы Y.*

Однако с точки зрения сложившихся моделей декодировки смыслов читатель извлек информацию о войне двух группировок под руководством своих лидеров. Трудно интерпретировать высказывание так, как будто X и Y в конфликте не участвуют, а их люди – это круг их общения с самостоятельными, отдельными от них интересами. А ведь именно сущность распространенной информации, то есть «бытовое понимание» читателя и существенно в таких случаях.

Этап пятый – рассмотрение семантико-грамматической конструкции в дискурсе, если есть такая возможность.

«Люди нашего царя» – так называется сборник рассказов Людмилы Улицкой, предваренный эпиграфом: «Каких только людей нет у нашего царя! Николай Лесков». Макроконтэкст произведений как единого дискурсивного пространства позволяет интерпретировать название в философском ключе: царь наш небесный дает жизнь разным людям – с различными характерами, стремлениями, ценностями. Все под богом ходим и богом хранимы. В художественном произведении уровень обобщения всегда значителен, но характеристика взаимоотношений человека с Богом – сфера особенно тонкая, высоко интерпретативная и слабо верифицируемая. Поэтому в конструкции «люди нашего царя» связь со значением принадлежности между существительными в именительном и родительном падежах хотя и сохраняет свою обшемодельную семантику, но ослабляется из-за конкретного лексического наполнения, связанного с теософским осмыслением действительности. На лингвистическом языке ослабленность семантики принадлежности объясняется сформированной дискурсом всех рассказов отвлеченной семантикой существительного в родительном падеже *царь* – слова, в первом, прямом значении реализующего конкретное значение. Отсюда следует, что и дискурс может определить значение, поэтому его, безусловно, следует рассматривать.

На примере анализа конкретной лексико-грамматической конструкции, ставшей предметом правового и лингвоэкспертного спора, мы показали свою позицию по конкретному вопросу и продемонстрировали сформированное представление о методике семантического анализа языковой единицы в ходе осуществления лингвистического исследования в экспертных целях. Итак, обозначим этапы семантического анализа:

- анализ обобщенной грамматической модели (сущ. в именительном падеже + сущ. в родительном),
- анализ более конкретной семантико-грамматической модели, в которой одна синтаксическая позиция наполняется лексическим содержанием: *люди кого-чего*),

- анализ модели, реализованной лексическим составом, с учетом конкретных признаков второго слова (*люди Петрова*),
- включение лексикализованной модели в контекст, с учетом его стилистики и выражаемого текстом смысла,
- анализ конструкции в конкретном наполнении с учетом ситуативного контекста и дискурса.

Комплекс обозначенных действий и образует предлагаемую методику семантического анализа рассмотренного типа языковых единиц – семантико-грамматических конструкций. Для их осмысления, гораздо более неоднозначного, чем интерпретация слова, следует поочередно рассматривать каждый шаг наполнения модели лексическим содержанием и – самое главное – не опускать этап рассмотрения возможных вариантов интерпретации в зависимости от различных признаков каждого компонента (конкретность / отвлеченность, собственность / нарицательность, одушевленность / неодушевленность), а также от стиля, общего смысла микро- и макроконтэкста, дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения. Аспекты семантических исследований. М., 1980. URL: <http://mir.zavantag.com/filosofiya/883958/index.html?page=26>
2. Гашева Л. П., Иваненко Г. С., Казачук И. Г., Мительская Ж. З., Нестерова Л. Ю., Помыкалова Т. Е., Свиридова А. В., Соловьева А. Д., Чепасова А. М., Шиганова Г. А. Структурно-грамматические свойства русских фразеологизмов. Челябинск, 2002.
3. Иваненко Г. С. Три мифа в вопросах экспертной квалификации объективного и субъективного. Юрислингвистика. 2016. № 5. С. 109–131.
4. Иваненко Г. С. Объективное и субъективное в конфликтном тексте: вопросы экспертной квалификации. Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2016. Т. 12. № 3. С. 311–326.
5. Иваненко Г. С. Текстовые тактики ухода от правовой ответственности при реализации стратегии дискредитации. Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2013. Т. 19. № 4. С. 134–137.

6. *Кацнельсон С. Д.* Речемышлительные процессы. Вопросы языкознания. 1984. № 4.
7. *Кобозева И. М.* Лингвистическая семантика. М., 2009.
8. *Словарь современного русского литературного языка. Т.6. М.-Л., 1957.*

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. To the Problem of Functional Types of Lexical Meaning [K probleme funkcional'nyh tipov leksicheskogo znachenija]. The Semantic Aspects of the research. Moscow, 1980. URL: <http://mir.zavantag.com/filosofiya/883958/index.html?page=26>
2. Guseva L. P., Ivanenko G. S., Kazachuk I. G., Michalska J. Z., Nesterova L. Yu., Pomykalov I.E., Sviridova A. V., Solovyov A. D., Chepasova A. M., Chiganova G. A. Structural and grammatical properties of Russian idioms [Ctrukturno-grammaticheskie svojstva russkih frazeologizmov]. Chelyabinsk, 2002.
3. Ivanenko G. S. Three Myths in Matters of Expertise of Objective and Subjective [Tri mifa v voprosah jekspertnoj kvalifikacii objektivnogo i subjektivnogo]. Jurilinguistics. 2016. № 5. P. 109–131.
4. Ivanenko G. S. Objective and Subjective Conflict in the Text: Questions of Expertise [Objektivnoe i subjektivnoe v konfliktnom tekste: voprosy jekspertnoj kvalifikacii]. Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of Institute for linguistic studies. 2016. Vol. 12. № 3. P. 311–326.
5. Ivanenko G. S. Text Tactics of Avoiding Legal Liability in the Implementation of the Strategy of Discrediting [Tekstovye taktiki uxoda ot pravovoj otvetstvennosti pri realizacii strategii iskreditacii]. Bulletin of Kostroma State University. 2013. Vol. 19. № 4. P. 134–137.
6. Katznelson S. D. Verbal and Cogitative Processes [Rechemyslitel'nye processy]. Problems of linguistics. 1984. № 4.
7. Kobozeva I. M. Linguistic Semantics [Lingvisticheskaja semantika]. Moscow, 2009.
8. Dictionary of Modern Russian Literary Language [Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka]. V.6. Moscow–Leningrad, 1957.